ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОТБЛЕСКИ ЗАПОРИЖЖЯ

Железняк Н. Одинокие следы на заснеженном поле. — М.: Эксмо, 2017. — ISBN 978-5-699-95813-9.

«Надо отдать должное Николаю Железняку: в его таланте есть некое тонкое бесстрашие, иногда на грани подначки (реже — провокации)», — писал Лев Аннинский в рецензии на книгу Николая Железняка «Гонки на лафетах».

Да, Железняк вводит в заблуждение очередной своей книгой. Еще с первой публикации в журнале он приучил своего читателя к сюжетной прозе с лихо закрученным сюжетом, обогащенным карнавальными деталями позднесоветского и постсоветского быта. И тут вдруг: «Останавливаясь у предметов обстановки, трогал их, проводил пальцами по полировке невысокого серванта, мысленно же поправил стоявшую на нем большую фотографию отца, увеличенную со старого, поцарапанного и изломанного снимка, где отец с приглаженными черными усами, в военной форме, уже не молодой, но моложавый, сидел нога на ногу, в руке, зацепившейся за колено, между пальцами — незажженная папироса».

Новый роман автора «Одинокие следы на заснеженном поле» — медетативен. Железняк, с позволения сказать, мигрировал в сторону Востока. С его бессюжетностью, погружением в себя, в свои воспоминания. Он разобрал, как инструктор лего, жизнь маленького человека, Павла Иосифовича Барабаша, живущего в Запорожье, на атомы, на составные части, чтобы посмотреть, как она, эта штуковина — жизнь — устроена. И теперь мы можем не только увидеть «старый, с серой, местами лопающейся корой пирамидальный тополь, дружелюбно касавшийся балконного парапета протянутой рукой с пальцами веточек, на суставах которых... набухшие почки», но и ощутить его шероховатость. По этим строчкам можно провести ладошкой, вслепую, ощущая порами пульсирующий бунт бытия, не желающего становиться архивом, пыльным альбомом с фотографиями, который забыли на полке.

Удивительно!

Зачем, к чему эту чрезвычайная старомодность, утрированная замедленность кадра? Хочется прокрутить сюжетную канву побыстрее. Что современному читателю, привыкшему к головокружительным и пустопорожним хитросплетением словес, полировка невысокого серванта и большая фотография отца, увеличенная со старого, поцарапанного и изломанного снимка, где отец с приглаженными черными усами, в военной форме, уже не молодой, моложавый, сидел нога на ногу, в руке, зацепившейся за колено, между пальцами — незажженная папироса?

Мне кажется, что тут и есть яркий образец остранения, введенного в литературу еще Шкловским: «литературный прием по описанию непривычным, странным способом того или иного предмета с целью вывести читателя “из автоматизма восприятия”».

Современного читателя, который перестал читать, как теперь принято говорить, бумажные носители, книги, на которых взросло поколение Николая Железняка, необходимо изредка встряхивать, выводя его из коматозного состояния.

К несомненным достоинствам прозы Железняка можно отнести и своеобразную привязку сюжета к местности, которую он знает и любит: Запорожье!

И здесь автор напоминает сталкера, который является проводником в мир, и этот мир становится прямо у нас на глазах потусторонним.

Запорожье — за порогом бытия. За порогом реальности.

«Давно я тебя не видел, Асенька, четвертый год уже скоро... Нет тебя... Плохо одному. Даже страшно... Тебе там как?..»

Муж разговаривает с умершей женой. И город становится воображаемым: Запорижжя!

Отцы и дети, одиночество как способ постижения прошлого, что вообще происходит с теми местами, где произошло однажды наше детство, они исчезают или исчезаем только мы, воображая, что они остались где-то в какой-то другой реальности, эти дворы наше-

го детства с высокими тополями, ясенями и воротами... Все это пространство романа. Романа, убегающего от суетности, от своевременности, политического детерминанта.

«Успеем, не колготись ты, никуда от тебя не денется...» — реплика случайного прохожего, похоже, хочет вернуть читателя в прошлое.

Автор никуда не спешит. Ему нравится там, где им завладел этот странный и удивительно скрупулезный к деталям нашей жизни, всей этой дорогой нашему сердцу мелочи и шелухе текст.

Презентация романа Николая Железняка прошла в библиотеке Юрия Трифонова, видимо, не случайно.

Времен связующая нить, хочется на это надеяться, существует.

Хотя бы в нашем воображении!

Игорь Михайлов